

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

БЕДОЛАГА

РОМАН

Москва
«Книга по Требованию»
2012

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

*Александр*у ТРЕМАСОВУ —
человеку слова и дела —
посвящаю эту книгу

Автор

Баженов Г. В.

Б 16 Бедолага. *Роман*. — М.: Книга по Требованию,
2012. — 240 с.

ISBN 5-7117-0116-9

Роман «Бедолага» состоит из 2-х частей. В первой части действие происходит в провинции; во второй — в провинции и в Москве.

Автор стремится показать, как из «обычных» безобидных мелких хулиганов, «бедолаг», получились нынешние монстры преступности и беспредела. Главное, что они попирают, — это само понятие любви: к жизни, к женщине, к ребёнку, к человеческим ценностям, ко всему светлому и чистому в жизни.

Действие романа развивается драматично и напряженно.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 5-7117-0116-9

© Баженов Г. В. 2006

© Оформление. Издательство «Книга по Требованию»

Часть первая

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ГЛЕБА ПАРАМОНОВА

Вглядитесь, например, в многочисленные типы русского безобразника. Тут не один лишь разгул через край, иногда удивляющий дерзостью своих пределов и мерзостью падения души человеческой. Безобразник этот прежде всего сам страдалец.

Ф.М. Достоевский

Глава I

У человека всегда должна быть надежда

— Вы знаете, зачем я вас вызвал? — Голос редактора звучал не так строго и отчужденно, как обычно, но все же была в нем всегдашняя серьезность, задумчивость.

— Пока нет, — коротко ответила Лариса.

— Нам нужен острый материал на морально-нравственную тему. Вы слышали о таком — Парамонове?

— Да, слышала.

— Неплохо бы написать о нем очерк. Скажем, в нескольких номерах, с продолжением.

— Об этом убийце?!

— Убийца он или не убийца — этим занимались соответствующие органы. Ваша задача — подойти к материалу с морально-этической стороны.

— Да это же мерзавец, которого расстрелять мало!

— Ах, Лариса Петровна, Лариса Петровна... Страшные слова говорите, а ведь надо попробовать разобраться в человеке.

— Вряд ли я справлюсь... — засомневалась Лариса. Но внутри у нее неожиданно загорелось честолюбивое желание: «А что, если в самом деле взяться? Тут такой материал можно раскрутить, что...»

— Вы же всегда мечтали написать что-нибудь из ряда вон... Вот вам и карты в руки. Со своей стороны обещаю: как бы остро ни получилось — будем печатать. Нам нужен такой материал: проблемный, болевой, будоражащий общественность.

— Сколько мне дается времени?

— Торопить не будем, Лариса Петровна. Но и тянуть не в ваших интересах.

— Хорошо, поняла, Иван Владимирович. Обязанности заведомо остаются на мне?

— Обязанности заведомо остаются на вас. Правильно, Лариса Петровна.

— Ясно. — Лариса хотела усмехнуться — скорей всего, по привычке, но сдержала себя, нахмурила только брови. — Я могу идти?

— Да, Лариса Петровна, вы свободны. Ни пуха ни пера!

Лариса не стала подхватывать: «К черту!» — вроде неудобно говорить такое редактору. Она решительно встала из-за стола и быстро вышла из кабинета.

Заведовала Лариса Петровна Нарышкина отделом писем в районной газете «Отчий край». Но иногда, как в пучину, бросалась в самый жар жизни, писала проблемные очерки на морально-нравственные темы.

На улицу Декабристов, к Евдокии Григорьевне Шелестовой, Лариса отправилась вечером, после напряженного рабочего дня — был понедельник. Долго прикидывала: с кого начать? И вот решила — с Евдокии Григорьевны.

Дом Шелестовой стоял в самом конце улицы, некогда упиравшейся в лес; теперь лес отодвинулся: на выкорчеванной огромной площадке устроили футбольное поле, огородили его громоздкими деревянными трибунами, и вот дом Евдокии Григорьевны оказался не у леса, а у высоченного деревянного забора. Соседство не очень приятное, особенно по субботам и воскресным дням: шум, крик, гвалт, а раньше еще — и пьянство, пустые бутылки, матерщина. Теперь, правда, этого не замечалось, а все равно соседство было беспокойным.

Дом Евдокии Григорьевны казался хмурым, подслеповатым: два окна наглухо закрыты ставнями, и только в третьем окне, дальнем от ворот, тускло горел свет. Лариса нажала на кнопку звонка — раз, другой, третий, но то ли звонок не работал, то ли пускать не хотели, — никакого движения в доме не замечалось. Лариса открыла дверцу палисадника и, шурша полами плаща о высохшие стебли георгинов и хризантем, подошла к освещенному окну. Осторожно постучала пальцами по стеклу. За шторкой мелькнула тень: видимо, Ларису долго и настороженно рассматривали сквозь приоткрывшуюся щелку штор.

— Кто там? — спросил напряженный женский, совсем не старый еще голос.

— Откройте, пожалуйста, я из редакции, — представилась Лариса.

Ворота наконец приоткрылись: на Ларису вопрошающе смотрела седая, с серьезными, недоверчивыми глазами женщина.

— Вы Евдокия Григорьевна Шелестова? Здравствуйте! Меня зовут Лариса Петровна, я из газеты «Отчий край», очень бы хотела поговорить с вами.

— О чем? — Глаза Евдокии Григорьевны не потептели, взгляд оставался напряженным, недоверчивым.

Стояли холодные октябрьские дни, то дожди, то снежная крупа сыпали попеременно сверху, а сегодня отдавало настоящим морозцем, но Евдокия Григорьевна стояла перед го-

стью в галошах на босу ногу, в легком ситцевом халате, седая, крепкая.

— Да как вам сказать... — Коротко Лариса не могла объяснить цели своего прихода. — Мне нужно поговорить обо всем, что у вас случилось. Вообще поговорить...

— У вас есть дети? — поинтересовалась Евдокия Григорьевна, и как-то грубовато это прозвучало, с вызовом.

— Нет, детей нет, — несколько виновато ответила Лариса.

Этого, пожалуй, Евдокия Григорьевна не ожидала. Она думала услышать сейчас: «Да, конечно, есть дети», — на что сразу бы отрезала: «Так вот, ради наших детей — оставьте нас в покое!» Но вдруг услышала совсем другое — и на секунду растерялась. Однако тут же голос ее зазвучал еще резче:

— А если детей нет, тогда нам вообще не о чем разговаривать! — и хотела закрыть ворота, но Лариса с горячей обидой воскликнула:

— Но у меня будут дети! Вы что?! Я же еще совсем молодая женщина!

Странно, Евдокии Григорьевне показался необычным этот возглас: «Я же еще совсем молодая женщина!» Она помедлила закрывать ворота, спросила устало:

— Ну хорошо, что вам от меня нужно?

— Только поговорить, Евдокия Григорьевна. Что захотите — то расскажете, чего не захотите — не надо. Честное слово, я мучить вас не буду!

— Ладно, проходите. — Евдокия Григорьевна развернулась и, не оглядываясь, стала подниматься по высокому крыльцу в дом.

Лариса поспешила за ней.

Сидели на кухне: Евдокия Григорьевна на лавке, Лариса — на табуретке. Плащ хозяйка не предложила снять гостье, а сама Лариса не решилась сделать это. Чаю тоже не предложила Евдокия Григорьевна: мол, и так ладно, нечего расслаживаться, я никого не приглашала. Лариса не ожидала такого приема. Уж кто-кто, думала она, а Евдокия Григорьевна должна бы обрадоваться появлению корреспондента.

— Вы что, не любите нашу газету? — осторожно поинтересовалась Лариса.

— А за что ее любить? Газета как газета. У вас свои дела, у меня — свои.

— Простите, Евдокия Григорьевна, мне кажется — в данном случае наши интересы должны совпасть. Мы хотим помочь вам.

— Помочь мне? — усмехнулась Евдокия Григорьевна. — Никто мне помочь не может. Вот так, никто! — решительно подтвердила она.

— Но ведь Глеб Парамонов...

— Какой Глеб Парамонов? Не знаю никакого Глеба Парамонова! — По лицу Евдокии Григорьевны потекли густые белые пятна.

— Как не знаете?! Это же...

— Не знаю и знать не хочу! Ясно вам?

— Но как же, Евдокия Григорьевна...

— А вот так! И вообще — оставьте меня в покое! Вы что, хотите, чтобы я и внучку потеряла? Побойтесь Бога!

— Что вы, Евдокия Григорьевна, — совсем наоборот. Мы хотим помочь вам, хотим разоблачить зло, наказать его. Мы хотим в газете...

— Ради всего святого, — взмолилась Евдокия Григорьевна, — если в вас есть хоть капля сердца — не лезьте в мою жизнь. Она погублена, пусть так. Но внучку свою я хочу видеть живой, а не мертвой. Понимаете, жи-вой?!

В это время хлопнула входная дверь, и в дом, покрасневшая, с плюшевым медведем в руках, вбежала девочка лет пяти:

— Ой, бабушка, у нас гости! — воскликнула она. — Здравствуйте!

— Здравствуй, — улыбнулась Лариса. — Тебя как зовут?

— Надюшка. А вас?

— Меня — Лариса Петровна.

— Лариса Петровна, вот посмотрите, у моего Панфила рука болит, вот здесь. — Она показала на руку медвежонка. — Скажите, есть надежда вылечить его? — Надюшка ткнулась тельцем в колени Ларисы и начала игриво-вопросительно заглядывать в ее глаза.

— Я думаю, есть надежда. Надежда всегда должна быть у человека. — И Лариса погладила девочку по голове.

— Ты вот что, слышь, Надя, — спохватилась Евдокия Григорьевна, — не мешай тете, она уxo-

дить собралась, а ты встать не даешь. — И без всякого перехода произнесла, уже для Ларисы: — Вот такие, значит, дела, Лариса Петровна, чем богаты, тем и рады, как говорится, не обессудьте, всего вам доброго!

Делать нечего, пришлось опешившей Ларисе подниматься с табуретки и идти к выходу. Евдокия Григорьевна шла за ней следом и чуть ли не руками подталкивала гостью к выходу, делая вид, что показывает ей нужное направление.

— А вы к нам еще придете? — Надюшка смотрела на Ларису снизу вверх, и столько в ее глазенках лучилось любопытства и доброй заинтересованности, что и соврать было нельзя, и правду сказать невозможно. Лариса пожала плечами:

— Жизнь покажет, Надюшка. Ну, до свиданья! Лечи своего Панфила.

— Хорошо, я вылечу, раз есть такая надежда. До свиданья, тетя Лариса!

Евдокия Григорьевна вывела Ларису за ворота и еще раз, на прощание, обратилась к ней с заклинанием:

— Не трогайте нас, оставьте в покое! Подумайте о девочке, ей надо жить, жить, а вы хотите... Ради всего святого — бросьте свою затею! Не знаю я ничего и знать не хочу. Вы слышите? Не хочу! — И Евдокия Григорьевна с грохотом закрыла за Ларисой ворота.